

Ольга МАЛЫШКИНА

РУКА ВСЕВЫШНЕГО В СУДЬБЕ НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА

Кто-то вспомнит про меня и вздохнет
украдкой...

Н. Кукольник

Имя Нестора Васильевича Кукольника (1809—1868) практически неизвестно современному, особенно молодому, читателю. Его творчество давно стало скромным фактом историко-литературного процесса, а произведения почти забыты и служат объектом сугубо академических исследований немногим профессиональным филологам. Непростая судьба и разнообразная творческая и общественная деятельность талантливого литератора на протяжении последних десятилетий вызывали искренний интерес лишь у отдельных энтузиастов (А. Николаенко, Л. Миронова и др.). Благодаря их подвижнической и бескорыстной деятельности выявлены любопытные, ранее неизвестные факты биографии писателя, многое сделано для сохранения памяти о нем. Между тем в 30-е годы XIX века имя Кукольника было знакомо всем, а по популярности он успешно соперничал с самим Пушкиным. Да и сегодня любой мало-мальски образованный человек слышал хотя бы раз в жизни его имя. Со школьной скамьи каждый помнит, что Гоголь учился в Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко. Так вот его однокашником был не кто иной, как Нестор Кукольник. Более того, они вместе издавали журнал «Звезда» и играли на ученической сцене в любительских спектаклях. «Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фон-визина „Недоросль“, в роли г-жи Простаковой; я играл Митрофанушку», — вспоминал позднее Кукольник. Каждый хотя бы однажды бывал в Третьяковской галерее, а значит, видел портрет Нестора Кукольника кисти великого Карла Брюллова. Однако мало кто знает, что живописца и его «модель» связывала искренняя дружба... Федор Шаляпин почти во все свои концертные программы включал «Попутную песню» М. Глинки:

Дым столбом — кипит, дымится пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится наш народ!

Ольга Георгиевна Малышкина родилась в Ленинграде. Окончила филологический факультет Ленинградского университета. Кандидат филологических наук. Член Союза журналистов. Совмещает редакционно-издательскую деятельность с преподавательской. С 2011 года — сотрудник журнала «Нева». Автор научных статей, книги «Двойник Зоценко или советский Чехов: Феномен Пантелеймона Романова» (2013).

И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чисто поле...

Автором слов знаменитой песни был друг великого композитора Нестор Кукольник. «Попутная песня» входит в вокальный цикл Глинки «Прощание с Петербургом», созданный полностью на стихи Кукольника. Среди шедевров этого цикла и знаменитый «Жаворонок», памятный многим в исполнении легендарного тенора Сергея Лемешева:

Между небом и землей
Песня раздаётся,
Не исходною струей
Громче, громче льётся.
Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий,
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий...

На стихи Нестора Кукольника, кроме цикла «Прощание с Петербургом», Глинка сочинил знаменитый романс «Сомнение» («Уймись, волнения страсти!..»), а также музыку к его исторической драме «Князь Холмский». В свою очередь Кукольник стал одним из соавторов либретто опер «Руслан и Людмила» и «Иван Сусанин» («Жизнь за царя»), в которую даже добавил знаменитую сцену Вани. Помимо Глинки, его стихи положили на музыку 27 композиторов, в числе которых А. Варламов и С. Монюшко. На собственные либретто Кукольника написаны две оперы. Композитор О. Дютш создал музыку к опере «Красотка», а музыку оперы «Азовское сидение» Кукольник сочинил сам.

Кукольник был исключительно плодовитым автором. Его обширное литературное наследие отличается необыкновенным тематическим и жанровым многообразием. Кроме пьес, он писал авантурные романы, исторические повести, стихи, пробовал силы в художественной критике. Даже издавал искусствovedческие журналы. Он стоит у истоков жанра драматической поэмы. Новаторские художественные приемы и мотивы, впервые использованные Кукольником, исследователи в дальнейшем обнаружат в творчестве А. К. Толстого, Л. А. Мея, М. И. Цветаевой и др. В частности, «след» Кукольника заметен в драматическом цикле Цветаевой «Романтики». Параллельно с французским современником А. Дюма Кукольник заложил основы жанра популярного исторического романа, а также любовно-авантурного романа в духе Эжена Сю и Поля де Кока. А его историко-биографические сюжеты справедливо считаются прообразами романов-исследований Д. С. Мережковского, Ю. Н. Тынянова, О. Д. Форш.

Его участие в судьбе таких писателей и поэтов, как Т. Г. Шевченко, М. Е. Салтыков-Щедрин и И. С. Никитин, хорошо известно и по достоинству было высоко оценено уже современниками. Так, в 1848 году Кукольник был назначен докладчиком по делу Салтыкова после публикации в «Отечественных записках» его повести «Запутанное дело», признанной революционной крамолой. Кукольник пытался спасти будущего великого сатирика от наказания, объясняя его поступок молодостью, но царь настоял на ссылке в Вятку...

В 2019 году исполнилось 210 лет со дня рождения Нестора Кукольника. Вопреки пророчеству писателя, недооцененного при жизни, но уверенного в собственной посмертной славе («Кукольника оценят потомки!»), юбилей остался почти незамечен-

ным. Почему же так несправедливо обошлась судьба с талантливым автором? Что явилось тому причиной?

Нестор Васильевич Кукольник (8 (20) сентября 1809—8 (20) декабря 1868) родился в семье известного ученого-просветителя, педагога, русина из Подкарпатской Руси (тогда их называли карпаторусами или карпатороссами) В. Г. Кукольника, человека, энциклопедически образованного и проявившего свои таланты в различных областях науки (физика, химия, юриспруденция, агрономия). Он переехал в Россию в 1803 году, в начале царствования Александра I, и получил должность профессора римского права в Петербургском университете. Некоторое время преподавал гражданское право великим князьям Николаю Павловичу (будущему императору) и Константину Павловичу. Нестор был младшим из пяти сыновей и позднее с гордостью вспоминал о том, что появился на свет непосредственно в университетских стенах: «... я персонально имел честь родиться в этом голландском Петровском дворце, над седьмым крыльцом, и увидел свет Божий и Царство Русское из окон здания С. Петербургского университета».

Профессор В. Г. Кукольник дал своим сыновьям Павлу, Александру, Платону и Нестору имена со смыслом (апостола-просветителя, государя императора, великого философа, легендарного летописца), пророчившие им завидную судьбу: государственное поприще или академическую стезю... Поначалу фортуна благоволила Нестору и осыпала его дарами. Его крестным отцом милостиво согласился стать сам государь Александр I. В. Г. Кукольник происходил из древнего княжеского рода галицийских русинов, а по вероисповеданию был униатом (греко-католиком), и по просьбе супруги новорожденный был крещен по униатскому обряду.

Будущий писатель получил прекрасное домашнее образование, в семейном кругу приобщился к истории, музыке, поэзии, живописи, благодаря домашнему театру полюбил драматургию. Его отец считался главным претендентом на должность ректора Петербургского университета, однако избран так и не был... В 1819 году семья переезжает в Нежин, куда В. Г. Кукольник приглашен на должность директора гимназии высших наук. В следующем году Нестор поступает в ту же гимназию, а 6 февраля 1821 года его отец внезапно умирает, выбросившись из окна собственного служебного кабинета. Самоубийство стало следствием пережитых в Петербурге обид и несправедливости. Попытавшуюся обвинить преподавательский состав гимназии в смерти мужа вдову с детьми выпроваживают из Нежина, и она, поместив младшего сына в Житомирское уездное училище, поселяется в подаренном царем имении близ Вильны, где вскоре умирает. Нестор остается на попечении старших братьев. К счастью, в 1823 году директором Нежинской гимназии становится друг отца И. С. Орлай, и Нестор, потеряв год, возобновляет здесь учебу. Однако ему, первому ученику и главному претенденту на золотую медаль, так и не суждено будет получить аттестат. Его выпускают, выдав справку о прослушанных курсах. На свою беду, юноша оказался замешан в известном «деле о вольнодумстве». Увы, весьма неблагоприятную роль в этом печальном повороте судьбы одноклассника сыграл будущий автор «Ревизора». Именно показания Гоголя в ходе разбирательства подтвердили «вину» Кукольника в якобы распространении им запрещенных трудов западноевропейских философов-просветителей. К сожалению, в ходе обыска у юноши была изъята и рукопись его первой пьесы — трагедии «Мария» (из времен Скопина-Шуйского), безвозвратно утраченная.

Без положенного при выпуске чина XII класса, без золотой медали и аттестата (между прочим, обладавшего равной силой с университетским дипломом и освобождавшего своего владельца от испытаний при производстве в высшие чины), с одной лишь справкой юноша приезжает в Вильну, где преподает русский язык в гимназии и попутно издает учебник русской грамматики на польском языке (сказалась отцовская просветительская жилка), за что получает благодарность великого князя Константина.

Однако в 1831 году вспыхнувшее Польское восстание вынуждает Нестора, продолжавшего числиться неблагонадежным, спешно покинуть город. Судьба вновь смешивает карты...

В том же 1831 году Н. Кукольник переезжает в Петербург. Начинается новый, поистине звездный период его жизни. Никому не известный провинциал, без связей и протекции, он может рассчитывать только на свои силы. Он бредит театром и решает попробовать силы на этом поприще. К сожалению, первая попытка кончается неудачей. Юный драматург за бесценок продает свою драматическую фантазию в стихах «Торквато Тассо» (написана в 1830—1831 годах, напечатана в 1833 году) и... становится жертвой банального мошенничества: в театре ставят пьесу с таким же названием, но приписанную другому автору. Но Кукольник не падает духом. Одну за другой он пишет новые пьесы, а также произведения в самых разных литературных жанрах. Его работоспособность и творческая продуктивность поразительны. Даже неполный перечень написанного впечатляет. Главное место в нем по праву занимают драматические произведения: «Аврора и Риккардо» (1840), «28 января 1725 г.» (Драматический рассказ) (1837), «Морской праздник в Севастополе», «Маркитантка», «Доменикино», «Азовское сидение», «Иван Рябов, рыбак архангелогородский» (1839), «Денщик» (1852), «Боярин Федор Васильевич Басенок», «Генерал-поручик Паткуль» (1846), «Гоф-юнкер», «Давид Гарик» (1861), «Джакобо Санназар» (1834), «Джулио Мости» (1836), «Ермил Иванович Костров» (1853), «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1835), «Князь Дмитрий Иванович Холмский» (1840), «Пиетро Аретино» (1842), «Роксолана» (1835), «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834), «Статуя Кристофа в Риге, или — Будет война!» (1860), «Тартини» (1833), «Торквато Тассо» (1833), «Иоанн Антон Лейзевиц» (1839), «Импровизатор», «Монумент», «Мейстер Минд» (1839).

Получили известность и поэтические тексты: «Брат Платон» (Ода), «Давид Рицци» (1839), «Жаворонок», «Из записок влюбленного» (1837), «И я люблю душистые цветы», «О боже мой, как я ее люблю!..», «Завтра я приду к заветному порогу», «Я изнемог!.. Откройте путь другой!», «Скажи, за что тебя я полюбил?», «Э, други, полно! Что за радость», «Пора любви, пора стихов...», «Попутная песня», «Сомнение» («Уймитесь, волнения страсти!..») (1838), «Ходит ветер у ворот» и многие другие.

Проза представлена самыми разными жанрами — от романа и повести до рассказа: «Альф и Альдона» (1842), «Антонио» (1843), «Барон Фанфарон и маркиз Петиметр. Быль о Петре Великом» (1847), «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» (1844), «Дурочка Луиза» (1842), «Заклад», «Максим Созонтович Березовский» (1844), «Надинька» (1843), «Психея» (1841), «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно» (1841), «Эвелина де Вальероль» (1841-1842), «Старый хлам», «Две сестры» (1865), «Морис Саксонский», «Ольгин яр», «Крепостной художник», «Три периода» (1845), «Иоанн Ш, собиратель земли русской», «Историческая красавица» (1843), «Корделия» (1843), «Курляндские претенденты», «Тонни, или Ревель при Петре Великом», «Аврора Галиган» (1841), «Благодетельный Андроник, или Романтические характеры старого времени» (1842), «Егор Иванович Сильвановский, или покорение Финляндии при Петре Великом» (1845), «Запорожцы», «Инструмент. Повесть из времен Петра Великого» (1845), «Каролина. Повесть из времен Екатерины 11» (1842), «Кликуша» (1844), «Князь Маргер Пилонский (историческая повесть)» (1841), «Монтекки и Капулетти, или Чернышевский мир» (1842), «Полковник Лесли», «Староста Меланья», «Часовой» и огромное количество рассказов.

Только за 1840—1845 годы он опубликовал пять романов, 26 повестей, пять драм и множество лирических стихотворений. С 1836-го по 1842 год издавал «Художественную газету», где большая часть статей принадлежала ему, позднее — «Дагерротип» (1842) и «Иллюстрацию» (1845—1847).

Несмотря на огромный корпус созданных текстов, в истории литературы Кукольник остался прежде всего как автор драмы «Рука Всевышнего Отечество спасла» (написана в октябре 1832 года, впервые напечатана и поставлена в 1834 году), принесшей ему небывалую известность. Поначалу Александринский театр отверг пьесу. Тогда амбициозный и честолюбивый юный драматург отправился прямиком домой к звездной чете Каратыгиных, уговорил великого трагика прочесть драму, и тот согласился поставить ее в свой бенефис. На премьере 15 января 1834 года (совершенно случайно) присутствует государь император. Он одобряет пьесу, но досадует на скудость декораций. Незамедлительно на смену декораций тратится небывалая сумма в 40 000 рублей. Успех у публики был ошеломляющий. В. А. Каратыгин блистал в роли Пожарского. К. А. Полевой так описывал один из спектаклей: «Первые ряды кресел были заняты высшими сановниками и генералами. Ложи наполнены знатыми семействами, и зала потрясалась от рукоплесканий». Автор удостоился особой милости — аудиенции во дворце. «Рука...» надолго стала эталонным образцом официозной патриотической драматургии. Однако либерально настроенная часть общества отвернулась от Кукольника, увидев в его пьесе лишь иллюстрацию знаменитой уваровской триады («православие, самодержавие, народность»), и подозревала автора в лицемерном верноподданничестве, лжепатриотизме, сервилизме, ангажированности и прочих смертных грехах. Менее искушенные зрители неистово рукоплескали и буквально падали в партер с галерки, восхищенные именно искренностью патриотического чувства, пронизывавшего монологи героев, а также апологией православной веры с неременным ее атрибутом — фатализмом. «Мы благоговели, видя, что участвовало небо в происшествии», — писал критик литературного приложения к «Русскому инвалиду». Действительно, все события у Кукольника трактуются как совершающиеся по воле Провидения, и эта главная мысль афористично выражена в самом названии драмы.

К сожалению, в истории литературы восторжествовало и на долгие годы утвердилось пренебрежительно-снисходительное отношение к Кукольнику. Негативно отзывался о нем В. Г. Белинский, не отрицая в то же время у него литературного дарования. (Например, о пьесе «Иван Рябов» великий критик писал: «Особенное достоинство этого нового произведения составляет народный язык, доведенный до крайнего совершенства, и что особенно-то и важно — под русскою простонародною речью таится русский простонародный ум, русская душа».) В. Стасов отнес Кукольника к «тормозам русского искусства» (1882), немного ранее И. С. Тургенев провозгласил основоположником «ложно-величавой школы» (1869), а Н. А. Некрасов высмеял в стихах. Рисуя сатирический портрет невзыскательного, всеядного зрителя, он особо выделил его любовь к пьесам Кукольника:

...он всему предпочитал
Театр Александринский.
Здесь пищи он искал уму,
Отхлопывал ладони,
И были по сердцу ему
И Кукольник и Кони.

Господствовавшие в советское время идеи пролетарского интернационализма и воинствующего атеизма не оставили Кукольнику шансов на возвращение в историю литературы: слишком диссонировал пафос его произведений с идеологическими ориентирами эпохи. При этом, отказывая писателю в праве на свое, пусть скромное, место в литературной табели о рангах, историки литературы непременно, как на истину в по-

следней инстанции, ссылались на отзывы о нем гениального современника — Пушкина. Между тем их взаимоотношения трудно определить однозначно...

Пушкин познакомился с Кукольником в конце марта 1834 года, о чем упомянул в дневнике:

...обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Норовым и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он, кажется, очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса» и не видел его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепиано: *Il bredouille en musique, comme en vers* (Он лепечет в музыке, как в стихах — *франц.*). Кукольник пишет «Ляпунова», Хомяков тоже. — Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.

Сохранилось также несколько едких пушкинских острот в адрес молодого поэта. Заметим: поэта Кукольника, но не драматурга Кукольника:

Он Нестор именем, а Кукольник делами.

В Кукольнике жар не поэзии, а лихорадки.

А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли.

После премьеры драмы «Рука Всевышнего Отечество спасла» по Петербургу ходила эпиграмма, также приписанная Пушкину:

Рука Всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого задушила.

(С вариантами последнего слова: «уходила», «погубила».)

Николай Полевой, редактор «Московского телеграфа», стал невольной попутной жертвой триумфа Кукольника. Журнал был закрыт по указу царя после публикации в № 3 за 1834 год негативной статьи о драме Кукольника. Москвич Полевой был предупрежден приятелем о высочайшем одобрении «Руки...» в столице, но все-таки напечатал злополучную статью, за что и поплатился...

И наконец, курьезное бытовое наблюдение о Несторе Кукольнике содержится в письме Пушкина к жене:

30 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Жена моя милая, женка мой ангел — ... Прощаю тебе бал у Голицыной и поговору тебе о бале вчерашнем, о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление). О туалетах справлюсь и дам тебе знать...

В свою очередь Кукольник благоговел перед гением Пушкина и в то же время считал его своим злейшим врагом. К пиетету исподволь примешивалась толика вполне понятной человеческой слабости — зависти. Существует даже версия, что отношение Кукольника к Пушкину сопоставимо с отношением Сальери к Моцарту (в пушкинской интерпретации). Подобная гипотеза не выдерживает критики, а попытка представить

Кукольника едва ли не прототипом героя «маленькой трагедии» не более чем литературоведческий курьез. «Маленькие трагедии» были написаны в Болдине осенью 1830 года, а знакомство Пушкина с Кукольниковым, как уже было сказано, состоялось весной 1834 года.

Тем не менее у Кукольника, как и у Пушкина, словно в продолжение «Моцарта и Сальери», тема судьбы художника, а точнее, его рокового удела заняла важное место. Примечательно, что начал свой творческий путь он не с патриотических драм, а с «драматических фантазий», где центральной как раз являлась проблема взаимоотношений творческой личности с современниками («Торквато Тассо», «Тартини», «Доменикино», «Джулио Мости», «Джакобо Санназар»). Первым обращением к этой теме стала «драматическая фантазия» «Торквато Тассо» — о жизни знаменитого итальянского поэта XVI века. Исследовавшая драматургию Кукольника Л. М. Лотман выявила существенные типологические особенности жанра «драматической фантазии», в первую очередь предопределенность трагической судьбы художника в мире «ничтожных людей», неспособных понять и оценить его гения: «Герои Кукольника неизменно гибнут вследствие ряда несчастных случайностей, преследующих их, вследствие козней злодеев-завистников, которыми окружает их автор. Гибель гения представляется в произведениях Кукольника трагически неизбежной». Романтическое противостояние «возвышенного» героя толпе (преследователям, лживым друзьям, несправедливым судьям, «бессмысленной тщеславной черни») декларируется в пространных лирических монологах заглавных героев. (В. Э. Вацуро отмечал, что экспансия лирики в драматургию являлась характерной чертой всей литературы 1830-х годов, и причислил драматические фантазии Кукольника к «лиро-драматическому жанру».) Гения могут оценить только потомки после его смерти. Этому непреложному закону невозможно сопротивляться. Смертные современники не способны понять гения, а потому в драматических фантазиях часто появляются духи, тени умерших (разговор Тассо со своим гением, суд теней великих живописцев над картинами Доменикино, разговор Зампиери со своим двойником). В ожидании посмертного триумфа гению остается только уповать на божие милосердие и проявлять смирение. Увы, в отношении судьбы самого Кукольника этот закон не подействовал — посмертного триумфа он не дождался...

Кукольник искренне верил в волшебную силу искусства, в безграничные возможности синтеза разных его видов. Считал прекрасное неким единым целым, лишь условно разделяемым на поэзию, живопись, музыку, театр... Воплощением этих мыслей стало знакомство Кукольника с М. И. Глинкой в 1834 году и сближение с К. П. Брюлловым, недавно вернувшимся из Италии. Сдружился он и с актерами братьями Каратыгиными и М. Щепкиным. В 1836 году Брюллов пишет портрет Кукольника, и в том же году возникает знаменитый «триумvirат» — Кукольник, Глинка, Брюллов. По средам в квартире братьев Кукольников (Платона и Нестора) в Фонарном переулке собиралась вся столичная богема. Однако злопыхатели («бессмысленная чернь») видели в творческом содружестве, обогатившем русскую культуру, лишь банальные пьяные сборища «братии». И к Кукольникову на полтора столетия пристала «посмертная слава» служителя не Аполлона, а Бахуса.

Драматично складывалась и личная жизнь. Первой его возлюбленной была Екатерина Тимофеевна Фан-дер-Флит, воспетая им в стихах под именем Леноры. (Вторичность и к тому времени затертость имени лирической героини вызывала град насмешек со стороны собратьев по перу и критиков.) Пока Кукольник, подобно героям его собственных драматических фантазий, пассивно воспевал любимую и посвящал ей произведения (например, «Джулио Мости»), в доме Фан-дер-Флитов появился контр-адмирал М. П. Лазарев. Легендарный флотоводец действовал по принципу: «Пришел,

увидел, победил». Очарованный красотой девушки, он на следующий день сделал предложение, которое было незамедлительно принято польщенным отцом невесты, капитаном 2-го ранга в отставке Т. Е. Фан-дер-Флитом. В восторге от столь блестящей партии для своей дочери, он даже позабыл испросить ее согласия на брак... Несчастные разлученные влюбленные сохранили свое чувство до конца дней. Вторая любовная драма (чувство к графине Марии Федоровне Толстой) также оставила незаживающую сердечную рану... Наконец в 1843 году Кукольник обвенчался со своей гражданской женой Софией Амалией фон Фризен, немкой-лютеранкой, с которой познакомился в публичном доме. Сожительство, а затем и женитьба на бывшей проститутке не способствовали укреплению его репутации, стали причиной изоляции Кукольника в обществе. От него отвернулись многие друзья.

Тем не менее в 30–40-х годах XIX века, пожалуй, трудно было найти более успешного драматурга, чем Кукольник: его пьесы господствовали в театре, и в течение почти двадцати лет он являлся хозяином репертуара.

Когда Кукольник обратился к исторической драме, в русской литературе уже имелся эталонный образец жанра — пушкинская трагедия «Борис Годунов», написанная в Михайловском в 1825 году, но вследствие цензурного запрета напечатанная (с цензурными сокращениями) лишь в конце декабря 1830 года (с датой публикации 1831 год). «Годунов» возносил планку для «конкурентов» на недостижимую для них высоту. При этом путь слепого подражания уводил в тупик эпигонства, а любые попытки оригинальничанья не спасали от невыгодного и заведомо проигрышного сравнения с творением гения. Кукольник, приступая в октябре 1832 года к работе над «Рукой Всевышнего», не мог не читать «Годунова». Об этом свидетельствует хотя бы такая незначительная деталь: многочисленные насмешки современников вызывало пристрастие Кукольника к устаревшему союзу «зане» (ибо = так как = потому что), лишь однажды (с тонким чувством меры) использованному Пушкиным в «Годунове», а у Кукольника ставшему избыточно частотным. Однако есть и более весомые доказательства несомненного знакомства Кукольника с трагедией. Сюжет «Руки...» словно продолжает событийную канву «Годунова». У Пушкина изображены события 1598–1605 годов (царствование Годунова и вторжение Лжедмитрия), у Кукольника — история освобождения Москвы от польской оккупации с центральным событием — избранием на царство Михаила Романова. Но если у Пушкина судьба государства зависит от «мнения народного», у Кукольника — от высших сил. По наблюдению Л. М. Лотман, именно поэтому у Кукольника мещанин (представитель народа) Минин убежден, что не достоин возглавить ополчение для освобождения Москвы, и обращается к Пожарскому как высокопоставленному лицу: «Пассивность Минина основана на убежденности в силе божественной помощи». Если положительные герои уповают на бога, черпая силы в молитве, то отрицательные персонажи, напротив, проявляют необыкновенную активность: строят козни, плетут интриги (Марина и Заруцкий в «Руке...») и нередко прибегают к яду или кинжалу... Однако справедливость все же торжествует в результате вмешательства Провидения в ход событий. А для этого автор даже изменяет исторической достоверности. Так, Заруцкий в драме погибает от случайного ядра, хотя в действительности он был убит казаками после разоблачения Мининым. Центральное событие (избрание Романова на царство) изображено как чудо: «Нет, не собор, господь избрал...»

Современники, воодушевленные пафосом историческим драм Кукольника, все же находили в них существенные художественные недостатки: ослабленный сюжет, обилие высокопарных монологов, напыщенную речь персонажей. Чего стоило одно лишь изобретенное автором междометие «Га!», выражавшее по мере необходимости весь спектр эмоций героев — от гнева до отчаяния. Дело в том, что Кукольник считал: язык

драмы должен отличаться от обыденного языка, поэтому заставлял своих героев не говорить, а декламировать. Что касается обвинений во внесценичности, то и «Годунова» по этой причине долго не пускали на сцену, и впервые он был поставлен только в 1870 году...

Чем же можно объяснить присутствие в драматургическом наследии Кукольника двух столь разнородных типов пьес, как «драматические фантазии», написанные на чуждом для автора экзотическом материале, и национально-исторические драмы, воскрешающие страницы прошлого России? Думается, что при внешней несопоставимости, тематической и идейной разнородности их объединяет нечто общее. И искать его следует в самосознании автора, обусловленном его этнической принадлежностью. Напомним, что Кукольник был русином, выходцем из Подкарпатской Руси. Русины — группа восточнославянского населения, компактно проживающая на западе Украины (Закарпатье), востоке Словакии, в сербской Воеводине, юго-востоке Польши, на северо-востоке Венгрии и северо-западе Румынии. По одной из версий о происхождении этноса, русины — потомки древнерусской народности, из которой выделились позднее русские, украинцы и белорусы. Кроме того, русины — самоназвание населения Древней Руси. Как этноним слово «русин» производное от слова «Русь» и встречается в «Повести временных лет». Изначально русины были православными. В XIX веке население Карпатской Руси находилось под владением Австро-Венгрии. Вопрос национальной идентификации имел для него особую значимость. Именно в 30–40-х годах XIX века в среде подкарпатской интеллигенции наблюдается подъем национального самосознания. Возрождение общерусского национального сознания не могло не вызывать тревогу у австрийцев. Ведь русины считали себя русскими, а веру свою — русскою, свой народ и язык — русскими.

Нетрудно вообразить переживания представителя малочисленного этноса, ощущающего свою кровную связь с великим русским народом и оказавшегося в столице Российской империи, талантливого, образованного, мечтающего о славе. Этим, думается, и объясняется тематический выбор драматических фантазий о судьбе художника. И тогда исторические драмы, возвеличивающие русского царя как наместника Бога на земле, видятся их логическим продолжением. Где как не под сенью великой империи следовало искать защиту и покровительство представителю народности, никогда не имевшей собственной государственности? Вспомним: Кукольник гордился тем, что в момент рождения увидел не только «свет Божий», но и «Царство Русское»...

К началу 1850-х годов Кукольник утрачивает популярность. Ему суждено будет пережить свою громкую литературную славу почти на двадцать лет. Однако, будучи искренним патриотом, долгие годы он стремился служить России не только на литературном поприще. Еще в 1843 году Кукольник поступает на службу в Военное министерство чиновником по особым поручениям при военном министре графе Чернышеве. Он занимается вопросами быта военных поселений, предлагает проект развития каменноугольной промышленности на юге России, выступает за обеспечение судоходности гирл Дона, подготавливает замену откупов акцизами на алкоголь, ведает поставками продовольствия в действующую армию во время Крымской войны и мн. др. По долгу службы он совершает длительные поездки по России. В 1850 году он встретится в Москве с бывшим однокашником. Гоголь к этому времени уже издал «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), где обратился к соотечественникам с призывом: «Нужно проездиться по России... Велико незнание России посреди нее». И Кукольник, уже «проездившийся по России». Им было о чем поговорить...

Кукольник тяжело переживает события 1848 года, когда Россия поддержала Австро-Венгрию. Поражение в Крымской войне приведет к окончательному разочаро-

ванию в русском патриотизме и изменит его отношение к самодержавию. Личным горем станет и смерть друзей: Брюллова — в 1852 году и Глинки — в 1857-м. Он вырывается из опостылевшего Петербурга почти на полгода за границу (предположительно лечиться от чахотки), а по возвращении, в 1857 году, выходит в отставку в чине действительного статского советника и навсегда уезжает на жительство в Таганрог. Этот поступок шокировал многих. Кукольник был весьма практичным человеком и однажды свое житейское кредо сформулировал так: «Работай, трудись, но не забывай сколотить копейку на черный день, а он придет, потому что наши деятели на том стоят, чтобы разрушить все начала взаимного самоуважения, построить себе дома, разъезжать в каретах на счет тружеников, которых можно держать в черной коже. Это не Англия, не Германия, ни даже Франция. Это Русь неумытая, или наоборот, стриженная татарва. И басня „Осел и Лев“ Крылова могла родиться только на русской почве». Между тем и сам отъезд, и — главное — выбор города был далеко не случаен. Во-первых, Кукольник извездил по преимуществу именно юг России за время своих длительных служебных командировок. Во-вторых, Таганрог — город, основанный Петром на пять лет раньше Петербурга, в 1698 году. Одно время Петр даже всерьез подумывал о переносе столицы из Петербурга в Таганрог, о чем упоминает Екатерина II в переписке с Вольтером. А Петр Великий для Кукольника, как и для Пушкина, был любимым героем отечественной истории. Петровской эпохе он посвятил несколько повестей и рассказов («Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно», «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова», «Максим Созонтович Березовский» и др.), в которых, по мнению критиков, его талант проявился в высшей мере. Их отличает юмор, яркие картины русского быта, живость диалогов. Петр для Кукольника был примером идеального монарха. Будучи сторонником демократического монархизма, он подчеркивает в образе царя-плотника именно простоту и демократичность.

Кукольник в Таганроге поселяется на Петровской улице (!) и все силы отдает разнообразной общественной деятельности, хотя перед отъездом, шутя, убеждал столичных приятелей, что будет «чистить ягоды и варить варенье, а зимой пить с этим вареньем чай». Кажется, венценосная тень первого российского императора не дает ему покоя (как героям его «драматических фантазий»), а образ вечного работника на троне придает сил. Как известно, по воле Петра Таганрог (а не Петербург) стал первым в России городом, построенным по регулярному плану, а Таганрогская гавань — первой в мире, сооруженной не в естественной, природной бухте, а в открытом море. Кукольник, наделенный недюжинным честолюбием и претендовавший на пост, по крайней мере, градоначальника или даже губернатора, словно продолжает петровские начинания. Поднимает вопрос об изменении административного устройства Приазовья и создании Петровской (Таганрогской) губернии, но... встречает жесткое противодействие со стороны казаков (Таганрог входил в Область Войска Донского). Способствует открытию в городе окружного суда, что и произошло после его смерти. Благодаря его стараниям стал выходить «Полицейский листок» — прообраз первой городской газеты. (И это в то время, когда городской газеты не было даже в Ростове.) Много сил отдает проекту открытия в Таганроге университета. (Увы, проект был отвергнут тогдашним попечителем Одесского учебного округа великим хирургом Н. И. Пироговым, который посчитал Таганрог частью Дикого Поля, не имеющего нужды в высшем образовании, и университет откроют в Одессе.) Одним из первых поднимает вопрос о загрязнении Азовского моря. При его непосредственном участии в 1866 году в Таганроге появилось новое здание оперного театра. Однако главным достижением стало строительство Азовской железной дороги, соединившей Орел, Курск, Харьков, Таганрог и Ростов-на-Дону. В 1863 году Кукольник возглавил городской комитет по ее

строительству. Окончено строительство будет через год после смерти писателя. Вклад, внесенный Кукольников в благоустройство города, соотносим с тем, что сделал для Таганрога его более именитый уроженец — А. П. Чехов. В 1996 году на доме Кукольника на Петровской улице появится мемориальная доска.

Не оставляет Кукольник и литературную деятельность. Однако теперь его волнуют иные темы. Он пишет острую социальную публицистику, в которой поднимает вечно злободневные российские темы: коррупция, государственное управление, народное просвещение, местное самоуправление и др. Свои либеральные статьи и разоблачительные заметки публикует анонимно в газете А. Краевского «Голос». Его антикоррупционная драма «Гоф-юнкер» запрещена указом царя и до сего дня остается неопубликованной.

Самые последние произведения Кукольник пишет особым шифром (как Пушкин 10-ю главу «Онегина»). Совсем недавно В. Абрамову удалось расшифровать «тайнопись». Хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) две рукописи озаглавлены самим Кукольников «Новый век» и «1852». Две другие, безымянные, исследователь, основываясь на их содержании, назвал «Таганрог» и «Лупанарий». В этих социально-утопических текстах выражена мечта писателя о процветании Таганрога, России, об обществе, построенном на принципах справедливости.

Современная актуализация концепта «русский мир» придает особую злободневность и словам Кукольника из письма Кушелеву-Безбородко (1863): «Я слишком далек от пошлого славянофильства, но признаю необходимость исторической славянской лихорадки, которая должна, как период переходной, перевести нас к более общим принципам всецелого человечества. А потому, выдерживая борьбу с фанатизмами, мы должны понимать их и стойко держаться идеи братства славянских народов. Теперь оно кажется возможным, но с развитием России в либеральном смысле оно более чем возможно и верно».

...Судьба нередко смеется над писателями и расправляется с ними, используя в качестве подсказок сюжеты их собственных произведений. Не избежал этой участи и Нестор Кукольник. Его собственная смерть и последовавшие за ней события воскрешают в памяти отдельные мотивы его пьес. 8 декабря 1868 года, собираясь в театр, он протянул жене коробку конфет и неожиданно упал замертво. По городу поползли слухи об отравлении. В злодеянии подозревали любовника жены писателя Амалии Ивановны — жившего по соседству местного врача Пантелеймона Работина. По другой версии, смерть Кукольника была следствием его профессиональной деятельности: возможно, он перешел дорогу кому-то из сильных мира сего, когда боролся с коррупцией и разоблачал злоупотребления при строительстве железной дороги... Безутешная вдова вышла замуж за злодея-эскулапа, но менее чем через год, одумавшись, развелась и посвятила остаток жизни увековечиванию памяти первого мужа: завещала деньги на устройство детского приюта имени Кукольника, завещала также городу его дом, поставила памятник на его могиле. Увы, в 1931 году могила Кукольника и его жены в его имении Дубки была разорена грабителями в поисках драгоценностей, а их останки выброшены на дорогу. Но и на этом посмертные злоключения не кончились. В 1966 году территория рощи Дубки была передана заводу «Красный котельщик» под производственные площади, и место захоронения писателя и его жены бульдозеры сровняли с землей. Не пощадили и дом Кукольника, чудом уцелевший в годы Великой Отечественной войны...

В 1829 году, после трагической гибели в Персии А. С. Грибоедова, другого драматурга-современника, Пушкин написал в «Путешествии в Арзрум»: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» Эти горькие слова справедливы и по отношению к судьбе Нестора Кукольника.